

Анастасия Черня НИЧЕГО ЛИЧНОГО

ПРОЛОГ

Летний вечер подходил к концу. Приятный взору багровый румянец разлился по небу. Текущим днем мегаполис и его жители изнывали от жары. Сегодня был самый знойный день в году, и все жаждали наконец-то вдохнуть прохладу ночи. Однако солнце не спешило уходить. Своими лучами оно, словно паук, цеплялось за верхушки высотных домов, пока за утомленных небесным светилом горожан не заступились грозовые тучи. Вначале пошла мелкая морось, чередующаяся с отблесками вечернего солнца. Погода была нестабильной. Порывы сильного ветра то затягивали небо грозowymi тучами, то вновь раздвигали их, расчищая путь солнечной лазури. Через некоторое время в этой борьбе стихий победила долгожданная гроза. Несколько раз сверкнула молния, невдалеке раздался сильный гром, и вот первые крупные капли дождя упали на землю.

Сидя в автомобиле, я любовалась этой летней игрой природы и слушала музыкальную композицию Гайдна. Его «Прощальная» симфония

лилась с неприсущей простоте изысканностью, одновременно успокаивая и не давая расслабиться. Прозрачное звучание мелодии вторило начавшемуся проливному дождю. Слияние человеческого шедевра с природной стихией было поистине фантастическим.

Всю красоту классической музыки открыла для меня старенькая медсестра, которая ухаживала за мной в больнице несколько лет назад. Тогда в это мало радостное место я была доставлена с сильными травмами после очередного избиения своим «любящим» мужем. Пока я приходила в себя от случившегося, эта медсестра часто ставила мне произведения известных мировых композиторов. Матильда, так звали ту жизнерадостную старушку, верила, что высокая музыка способствует физическому и душевному выздоровлению человека. Так, лежа на больничной койке, под красивые, простые и сложные мелодии я предавалась тягостным размышлениям о бренности жизни. В мыслях сливались красота звучания и уродство моего ничтожного существования. Величественные композиции стали моими лучшими и, наверное, единственными друзьями. Они успокаивали, критиковали, заставляли плакать и радоваться, дарили надежду и напоминали о суровой реальности. За несколько месяцев, проведенных в больнице, я всем сердцем полюбила

классику. Однако никогда не слушала композицию дважды. Слишком много было в моей жизни горьких повторений. Поэтому я всей душой начала стремиться только к новому и не принимала тавтологию даже в музыке.

Пока я была погружена в воспоминания о прошлой жизни, дождь потихоньку заканчивался. Мои картины давно минувших дней заботливо сопровождала последняя часть «Прощальной» симфонии. За традиционным по форме финалом следовала дополнительная медленная часть, которая успокаивала мою память после сумасшедшей агонии, вызванной непрекращающейся болью прошлого.

Во время ее исполнения я представила, как сижу в зале и вижу музыкантов, которые один за другим прекращают играть и уходят за кулисы. Сначала исключаются все духовые инструменты. В струнной группе утихают контрабасы, затем виолончели, альты и вторые скрипки. Симфонию доигрывают лишь две первые скрипки, они после завершения музыки гасят свечи и уходят вслед за остальными.

*...И в «Прощальной», скользя по наклонной,
По изящной наклонной в закат,
Гайдн погасит свечу, с поклоном
Обозначит финал: шах и мат.*

Музыка умолкла, однако последние капли мелкого дождика из рассеивающихся тяжелых туч продолжали играть по лобовому стеклу моего автомобиля ее отголоском. Автомобильная пробка, словно тромб в тонком кровеносном сосуде, остановила поток движения и даже не думала рассасываться. Я открыла окно и вытянула руку наружу. Прощальные капли были такими теплыми и нежными. Они стекали по моей руке, словно прося меня выйти к ним. Я поддалась уговорам и, оставив машину за несколько кварталов до места моего назначения — театра, пошла пешком. Чтобы не намочить и не испортить обувь пошла босиком. Кожа моих стоп соприкасалась с остывающим после жаркого дня тротуаром. Одновременно я ощущала тепло от асфальта и прохладу оставленных дождем луж. Идя молча по свежим потокам воды, внутри я вопила к небесам. Я умоляла их отмыть меня от тягостных, раздирающих душу воспоминаний. Мысли, уходящие глубоко корнями в мое детство, не давали мне покоя ни днем, ни ночью уже очень много лет. Я бы отдала все, чтобы навсегда стереть из памяти терзающие картины прошлого и начать жизнь с чистого листа. Однако в ответ на мою мольбу небо посылало лишь уходящий мелкий летний дождик, капли которого слезами стекали по моему лицу. Сегодня весь город плакал вместе со

мной.

Наконец я пришла в театр. Несмотря на существенное опоздание, меня пустили на спектакль. Я пришла в этот храм искусства, чтобы забыться и немного отвлечься от тягостных раздумий. Однако мрачность и актуальность пьесы еще больше погружали меня в пучину размышлений. На сцене шла постановка драмы Шекспира «Гамлет». Мысли в моей голове, словно диалоги на сцене, сменяли одна другую. Мое внутреннее состояние звучало в унисон с каждой мыслью великого драматурга. Некоторые фразы и высказывания врезались, словно скрижаль, в мое сознание:

«Пылинка зла уничтожает благо».

*«Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой,
С таким коварством удочку закинул,
Мне самому, — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?»*

*«Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду пятна черноты».*

*«Быть иль не быть, вот в чём вопрос.
Достойно ль*

*Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними?».*

Я начала понимать суть высказываний, которым некогда не придавала значения. Мне, как никому другому, было знакомо состояние Гамлета. Я, как и он, жаждала справедливости и искала ответы. Единственное, что нас отличало с персонажем произведения, — причины, по которым мы хотели воздаяния нашим обидчикам. У него это была месть за коварное убийство отца. Мое же сердце хотело поquitаться с теми, кто нанес ему незаживающие раны, совершая физическое насилие и подвергая страшным моральным унижениям.

Спектакль близился к завершению. Актеры на моих глазах легко и непринуждённо проживали судьбы тех, чью боль до конца, возможно, даже не понимали. Безукоризненно исполняя свои роли, они все равно оставляли во мне чувство искусственности, непонимания смысла мести и борьбы. И вдруг мне захотелось поставить свой куда более реалистичный спектакль под названием «Ничего личного...» или «Воздаяние за свою сущность».

После премьеры я не стала наслаждаться посиделками в уютном театральном кафе и

участвовать в «закулисных» рассуждениях о том, в чем большинство зрителей не разбираются. Я вышла из монументального здания театра и направилась к своей машине. Дождь к этому времени закончился, уступив место розово-голубому закату. Прощальные лучи солнца тонули в лужах. Несколько волшебных минут они отражали заходящее за горизонт сияние величественного светила. Весь город сверкал от солнечного отражения в мутной воде, словно усыпанный драгоценными камнями. Несмотря на косые взгляды прохожих, я прыгала по лужам, словно маленькая девочка. Я радовалась, потому что наконец поняла, как могу освободиться от груза прошлого, под тяжестью которого я рабски жила все эти годы. Предвкушение будущего спектакля, который я собиралась поставить, вызвало во мне мощный прилив сил и энергии. Во мне словно взорвалась витаминная бомба, и зажглось пламя, способное сжечь мое прошлое дотла.

Я приехала домой и принялась составлять список основных персонажей своей «драмы». В него вошли десять ненавистных имен из моего прошлого. Я не спеша старательно выводила каждую букву, представляя их лица. Это были лица людей, которые все мои школьные годы вытирали об меня ноги и морально ломали. Каждый инициал их имен напоминал, какую лютую ненависть они ко

мне питали. Каждая закорючка искажала мою душу от боли воспоминаний их беспричинной злобы и безудержной агрессии. В каждом знаке я видела ничем не прикрытое безграничное презрение одноклассников ко мне. Когда-то они отобрали у меня радость жизни. Теперь пришла моя очередь оставить свою роспись на пергаменте их жизней.

P. S. А сейчас несколько слов об авторе, режиссере и актере этого гениального представления в моем лице. Я — реальный человек из плоти и крови. Хотя, лицезря мое действие, многие предпочтут, чтобы я была выдуманным персонажем, а мои истории — плодом больного воображения. Но вынуждена огорчить. Я — человек, поэтому могу делать, что хочу. Сейчас у меня есть все: красота, завистники, прекрасный дом, квартира, несколько машин и, конечно же, деньги. Я — богатый человек и транжира жизненных ресурсов. Когда-то в моей жизни все выглядело не так радужно. У меня не было ничего из вышеперечисленного. Жизнь была поломана, и никаких перспектив я не видела. Но на данный момент я достаточно крепко стою на ногах, чтобы позволить себе превратить боль прошлого в лекарство, способное излечить меня от жалости не только к самой себе, но и к тем, кто стал ее причиной. Поэтому я осознанно сбилась с пути и

отклонилась от нормы, моральных кодексов и прочих якорей. Хотя границы нормы размыты. Все зависит от тех очков, которые надеваешь, чтобы их увидеть. Я не ношу очки. Предпочитаю смотреть на мир, на грани человеческих эмоций без посредников.

ГЛАВА 1

После спектакля подготовка к встрече с моими обидчиками заняла почти два года. За это время я собрала личную команду помощников, а также накопила довольно много материалов на тех, с кем хотела поквитаться. Перед началом постановки я знала о своих героях больше, чем они сами. Собрал все документы, записи, фотографии и, главное, сам черный список в довольно большой чемодан, я наконец впервые за долгие годы вернулась в свой родной город.

Мое возвращение пришлось на самый разгар весны. Природа, как и я, возрождалась после долгой и суровой спячки. Она мне словно шептала о том, что пора действовать. И мне нравился ее призыв. Я гуляла по улицам города и пробуждалась вместе с каждой раскрывающейся почкой, с каждым молодым листиком, со всем, что обновлялось и оживало. Ступая по родной земле, я осознавала, что назад дороги нет. Ничего уже не останется

прежним, и уж точно не будет никаких лейтмотивов из моего прошлого.

Желанная встреча с первым именем из списка произошла буквально через несколько часов после моего прилета. Я не хотела ждать ни минуты. У меня руки чесались начать свое представление как можно быстрее. Поэтому я попросила помощников доставить мои вещи в гостиницу, а сама отправилась к первой своей обидчице.

Спустя много мучительных для меня лет наши пути снова пересеклись в лифте дома, в котором она жила. Ее статус и положение позволяли обзавестись комфортным жильем в престижном районе города. Как и в детстве, она старалась не ездить на маленьком пассажирском лифте. Предпочитала большой грузопассажирский, так как увеличенная площадь защищала от нежелательного вторжения посторонних в ее личное пространство. Никто не дышит в спину, нагло не рассматривает, во что ты одет, не заглядывает бесцеремонно на экран твоего мобильного. Ведь это ее очень раздражало и вызывало агрессию. Данная привычка выросла корнями еще в школьные времена. Дистанция была установлена ею для всех, кого она считала «не своими». Нарушение «предписанного» интервала всегда жестко наказывалось. Эту обычную с виду девочку боялись многие школьники. Будучи умной и расчетливой, она стала